

РОССИЯ И МИР В ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Е. М. МИРОНОВА

РУССКАЯ НЕБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПРОБЛЕМА КОНФЕРЕНЦИИ НА ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВАХ

В статье предложен новый взгляд на обсуждаемый в историографии вопрос о конференции на Принцевых островах. Этот проект рассматривается в контексте борьбы русской меньшевистской дипломатии за право участвовать в Версальской мирной конференции. Изучены вновь введенные в научный оборот аналитические записки русских дипломатов, подготовленные в ходе и по итогам обсуждения проблемы.

Ключевые слова: конференция на Принцевых островах, Русский Заграничный дипломатический корпус, РПС, союзники, С.Д. Сазонов, М.Н. Гирс, Б.А. Бахметев

В России полыхала гражданская война, когда отгремели последние залпы Первой мировой. Империя, будучи членом Антанты, принимала в ней самое активное участие и неоднократно спасала союзников по блоку от тяжелых поражений. Русские антибольшевики, которые не признали сепаратного Брест-Литовского мира и боролись с оружием в руках за воссоздание добольшевистской, «исторической» и «национальной» России, считали, что при заключении мира им должно принадлежать равное с другими союзниками место за столом переговоров.

Работа в этом направлении велась с осени 1918 г. Решение вопроса было самым непосредственным образом связано с необходимостью обеспечить международное признание правительства, которое должно было избрать делегацию, снабдив ее полномочиями. Однако поднимавшееся на периферии страны сопротивление было разобщено уже в силу географии. Лишь осенью 1918 г. в антибольшевистском лагере было создано правительство (Директория), которое претендовало на статус все-русского и поставило вопрос о своем международном признании, но, вследствие происходивших в мире событий, он рассматривался в тесной связи с проблемой участия представительства страны в мирной конференции. Приход к власти в Омске 18 ноября 1918 г. адмирала Колчака ситуацию в этом вопросе не исправил: перемирие в мировой войне уже было заключено, времени на признание нового правительства не оставалось. Решено было прибегнуть к программе, разработанной русским Заграничным дипломатическим корпусом, не подчинившимся Советской власти и продолжившим работать за рубежом. В конце года в Париже было созвано Совещание дипломатов и общественных деятелей, позднее переименованное и известное в историографии как русское по-

литическое совещание (РПС). В начале января оно подало союзникам заявление о своей готовности представлять интересы России на мирной конференции и сформировало делегацию для участия в переговорах.

Победители рассматривали вопрос о представительстве России в первые дни работы конференции. Обсуждение проходило без участия тех, кого, оно, собственно говоря, касалось. Неприятие большевиков западными лидерами было сильно преувеличено как их противниками, так и советской историографией¹. В конце 1917 г. отношение к ним в значительной степени определялось их готовностью продолжить войну в составе Антанты. К январю 1919 г. стало очевидно, что несмотря ни на какие ожидания, как русских антибольшевиков, так и западных демократий, советская власть в России не рухнула ни через три месяца, ни через год. Более того, она сумела завоевать массы народа, справлялась с внешним нажимом, создала Красную армию, строила свое государство. Ее противники в стране консолидироваться не смогли и возлагали большие надежды на внешнюю помощь. Конечно, идеология Белого движения была ближе иностранным правительствам, чем коммунистические воззрения большевиков, и они всерьез опасались распространения «красной заразы» за пределы территории бывшей империи. Однако исповедуемая Белым движением программа возрождения «единой, неделимой» России в границах до 1914 г. (за исключением Польши), определенно заявленное стремление сохранить в послевоенном мире статус страны как великой державы не могли импонировать политикам, которые мечтали освободиться от опасности «русской экспансии». На встречах союзников в Париже с декабря 1918 г. звучали мнения о возможности приглашения на мирную конференцию Финляндии, Эстонии и Латвии для выступления по касающимся их вопросам; лидеры англо-саксонского мира – Ллойд Джордж и Вильсон – были готовы рассматривать Советы как фактическое правительство страны². Запад получил редкую возможность вмешаться в дела России и попытаться их устроить к собственному удовлетворению, и было бы наивным ждать от него отказа использовать такую возможность.

22 января 1919 года союзные и «соединенные» державы выступили с торжественной декларацией следующего содержания:

Представители Держав Согласия помогут русскому народу, не ставя препятствий и не мешая ему урегулировать его дела по его собственному усмотрению. Эти представители смотрят на русский народ, как на дружественный, и согласны прийти к нему на помощь во всех случаях, когда он пожелает этой помощи; для них ясно, что несчастья и испытания русского народа будут все увеличиваться, что голод и всевозможные лишения будут все обостряться и становиться настолько ужасными, что помощь будет невозможна, если не воз-

¹ Субботовский 1926. С. 221–226; Штейн 1949. С. 94–139; Шишкин 1969. С. 115–116.

² Ллойд Джордж С. 278.

вратятся порядок и нормальные условия работы, торговли и транспорта не возобновятся. Представители изыскивают способы помочь русскому народу в достижении этих целей. Они признают абсолютное право русского народа, без постороннего вмешательства решать свою судьбу. Они не стремятся подчинить Россию или воспользоваться ее положением; они признают революционное движение и никоим образом и ни в каком случае не будут способствовать или сочувствовать контрреволюции. Не в их желаниях и интересах одобрять или участвовать в спорах за власть отдельных организованных групп. Единственное и искреннее их пожелание – это сделать все от них зависящее, чтобы дать России мир и возможность избавиться от настоящих трудностей. Союзные Державы в настоящее время заняты важными вопросами, лежащими на их ответственности – установить мир в Европе и во всем свете и глубоко убеждены, что этот мир невозможен, пока его нет в России. Вследствие этого, Союзные державы считают своим долгом помочь России в этом важном деле и готовы самоотверженно идти ей навстречу всеми приемлемыми способами.

С этой надеждой и в этих целях, Союзные Державы приняли на себя следующее решение:

Они предлагают всем организованным группам, имеющим или могущим иметь авторитет или военный контроль, где бы они не находились, в Сибири или в границах Европейской России, бывших до войны, которая только что закончилась (исключая Финляндию и Польшу) указать представителей числом (...) для каждой группы. Они будут приняты представителями Союзных Держав, чтобы дать им Директивы для установления соглашения между партиями. Эти представители будут допущены на конференцию представителей Союзных Держав, чтобы выяснить желания всех русских партий и если возможно придти к определенным решениям.

Необходим срочный ответ на это предложение. Упомянутым представителям будет предоставлена полная возможность для скорейшего приезда. Представители должны прибыть к 15 февраля 1919 г.³

Редко какой еще не удавшийся план привлекал такое внимание исследователей⁴ и возбуждал вокруг себя столько толков. Значение его для современников, как и историков, следует объяснить, по-видимому, тем, что он проявил ранее скрывавшееся за политическими играми и некомпетентностью в русской проблеме отдельных западных политических деятелей, истинное отношение держав к России, ее борьбе, ее будущему. После блестящих статей Б. Штейна и С.В. Листикова по вопросам возникновения, причин, хода рассмотрения, целей этой инициативы в дипломатии западных держав и советского государства возвращаться к этому смысла не имеет⁵. Для нас важны другие аспекты: отношение к данной проблеме российской меньшевистской дипломатии, выводы, которые она сделала из создавшейся ситуации.

Декларация конференции произвела на русских антибольшевиков эффект разорвавшейся бомбы. Она появилась совершенно неожиданно

³ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 607. Л. 1.

⁴ Субботовский 1926, Лившиц 1972, Думова, Трухановский 1989, Дэвис, Трани 2002, Смолин 2017.

⁵ Штейн 1947, Листиков. 2009.

даже для действовавшего в Париже с конца 1918 г. Русского Политического Совещания. Для тех, кто с оружием в руках поднялся против «негодяев, убийц, предателей», для тех, кто работал на Белое движение, сесть с большевиками за стол переговоров было невозможно. Но Декларация, с которой выступила конференция, включала и другие подводные камни. Русские дипломаты не могли не увидеть в приглашении представителей советского правительства на международный форум признания их фактической властью, чего они не могли допустить. Кроме того, их не могло не беспокоить перемирие, которое в декларации рассматривалось как необходимое условие переговоров. Наконец, от внимания политиков, общественных деятелей не ускользнуло то, что иностранные коллеги, по сути, приглашают их на «суд», который будет правомочен определить, кто прав, кто виноват в страшном бедствии, обрушившемся на Россию, и воздействовать на ее дальнейшую судьбу. Решение главного вопроса, беспокоившего русских политиков – об участии в мирной конференции, было поставлено в зависимость от того, что покажет встреча на Принцевых островах.

На заседании РПС, посвященном рассмотрению декларации, кипели страсти. Крайнюю позицию занял временный поверенный в Лондоне К.Д. Набоков. В характеристиках он не стеснялся: идею конференции назвал дикой и гнусной, и к тому же оскорбительной своей пошлостью⁶. Он предложил заявить протест и разъехаться, часть участников заседания поддержала его позицию⁷. Независимо от происходившего в Париже, находившийся за тысячи километров посол в Токио В.Н. Крупенский рекомендовал правительству в Омске «немедленный и категорический отказ». Однако позиция Крупенского основывалась не на эмоциях, а на сделанных им наблюдениях. В телеграмме на имя министра иностранных дел России он писал, что предложение держав не носит ультимативного характера: «отказ принять его еще не равносителен размовке с ними, тем более что не следует преувеличивать возможность единодушных и последовательных действий с их стороны». Кроме того, он считал, что при существующем положении в Западной Европе не приходится опасаться непосредственных сношений между державами и большевиками. Он торопил правительство с ответом, считая, что любое колебание и промедление может вселить в союзников сомнение в безусловной правоте Белого дела; опасался укрепления представлений союзников о большевизме, как о явлении, способном принять «жизненные и нормальные» формы, стремился избежать создания впечатления, что Омск допускает мысль о компромиссе⁸. Не дожидаясь указаний, он про-

⁶ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об.

⁷ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л.3.

⁸ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 119. Л. 7.

вел консультации в Токио и выяснил, что японцы не поддерживают эту идею и, в случае отказа Колчака, не изменят свое отношение к нему⁹. Однако русский Париж придерживался другой тактики.

На Совещании снизить градус обсуждения попытался посол во Франции В.А. Маклаков. Он напомнил, что государственные люди не могут действовать под влиянием эмоций и предложил не спешить с протестами, а выяснить, что послужило поводом к принятию такого решения. Особо он оговорил необходимость телеграфировать Колчаку и Деникину совет отложить ответ до того времени, когда Совещанию удастся выяснить закулисную сторону дела¹⁰. С ним был согласен А.П. Извольский. Умудренный опытом бывший министр иностранных дел Российской империи (1906–1910), указал на необходимость «изучить документ и постараться извлечь из него все то, что могло бы быть нам полезным». Он также настаивал на неуместности поспешных выступлений со стороны членов Совещания по поводу Принкипо¹¹.

Поддержав эту конструктивную точку зрения, члены РПС принялись за анализ текста Декларации союзников. Среди документов, которые сохранил посланник в Швеции К.Н. Гулькевич по итогам своей работы в политическом отделе Совещания, содержится записка, к сожалению, не поддающаяся атрибутированию¹². Свое внимание автор сконцентрировал на причинах появления идеи о конференции на Принцевых островах. Он поставил цель выявить подоплеку этого решения с тем, чтобы иметь возможность сделать выводы о дальнейшем.

Составитель охарактеризовал формулу предложения союзников о конференции как компромиссную, выделив в нем элементы двух видов: интересы того или иного государства, непосредственно связанные с осуществлением данной инициативы, и тактические соображения, по которым «то или иное государство сочло для себя выгодным лишь появление на свет формулы, так или иначе заранее учитывая судьбу предположения». Весь дальнейший анализ декларации он вел исходя из этих двух тезисов. Рассматривая первый вариант – реальной политики, которая может вытекать из проекта конференции, аноним обращает внимание на то, что декларативная часть документа, по сути, объявляет большевизм мировым злом, из чего логично вытекает мысль о необходимости помочь России с ним справиться. Однако анализ текста документа приводит автора к выводу, что общие заявления и предполагаемые практические шаги находятся во взаимном противоречии, что заставило его поставить логичные вопросы, «кому это выгодно» и «к чему это ведет». Он подчеркивает готовность держав, несмотря ни на что, вести переговоры с большевиками, и вести их как с «одной из организованных групп». Это привело его к выводу о

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л.3.

¹¹ Там же. Л. 21.

¹² Документ не датирован и не до конца оформлен: напечатанный на русском языке, он содержит рукописные вставки на французском, во второй половине текста, однако оставленные для вставок места не заполнены.

«территориальной интерпретации большевизма» на Западе, и дало возможность подчеркнуть противоречие такого подхода заявленному в декларативной части восприятию его как «мирового зла». Цель такого искажения он видит в закреплении расчленения России. Предварительное требование перемирия для проведения переговоров, в его интерпретации, выглядит как стремление держав защитить себя от большевизма. Перемирие, пишет он, достигает двух целей: 1. для России его объявление имело бы следствием продолжение разложения и раздробленности, 2. для Европы – некоторую локализацию большевизма, направление его усилий на ближайшие задачи, переключение внимания от мировых проблем. При этом Державы декларировали стремление через переговоры установить «условия счастливой кооперации» России со всем миром. «С т.з. внешних сношений обнаруживается желание разговаривать только с цельюм России», – отмечает аналитик; но тогда получается, что большевизм допускается как внутреннее русское явление, а перемирие привело бы к закреплению большевизма в наиболее русской части территории страны. На национальных окраинах советская власть к тому времени серьезного распространения не получила. Страх распространения большевизма неминуемо привел бы к укреплению желания национальных окраин отделиться от России и поддержке сепаратизма со стороны держав. Результатом этих процессов стало бы закрепление раздробления страны. Автор записки пришел к выводу о существовании сил, которые, прикрываясь тезисами Вильсона о праве на самоопределение, о недопустимости вмешательства во внутренние дела России и оказания поддержки одним против других, решали своекорыстные задачи. Но аналитик считает, что были и другие силы, не заинтересованные в проведении конференции, но поддержавшие идею ее созыва в расчете на ее громкий провал при сохранении значения декларативной части сделанного заявления. В этом варианте он видел существенные преимущества для России, ибо не верил в возможность безучастного отношения мировых лидеров к происходившему в стране (нет порядка в России, нет порядка в Европе) и выводил отсюда готовность Запада оказать помощь одним против других и, как он писал: «ясно, что не большевикам». Возможную поддержку он видел в двух формах: в интервенции или же в виде поддержки материальной, финансовой и т.д.

Сохранившийся отрывок документа не позволяет дальше заглянуть в лабораторию русского политика, узнать, какие окончательные выводы он из всего этого сделал, какие задачи поставил перед дипломатическими структурами Белого движения¹³. Но интересно, что консультации, проведенные в Омске с представителями союзных держав, дали результат, который аноним предвидел в своем обзоре. Западные политики, ссылаясь на рост рабочего движения в своих странах и его симпатии к Советской России, дружно говорили о необходимости испытать сначала мирные средства, чтобы доказать народам невозможность решить проблему таким путем: американцы уверяли: когда миру станет ясно, что воздействие на большевиков силой необходимо, тогда «Америка не поколеблется выступить», и настаивали на том, что отказ правительства от участия в конференции был бы крупной ошибкой¹⁴.

¹³ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 6-7.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 262. Л. 44.

Старейшина дипломатического корпуса, посол в Италии М.Н. Гирс поддержав предложение не торопиться, отнесся к Декларации союзников, как к рабочему материалу. Он обратил внимание на то, что союзники сочли нужным облечь свое обращение к правительствам России в торжественную форму, подчеркнув таким образом единодушие держав. «Мы имеем дело с конференцией, заключал он. – Тем лучше для нас»¹⁵. Вместо того чтобы придаваться возмущению или унынию, он напомнил собравшимся постулат, что «всякое заявление обязывает».

Проанализировав декларацию конференции, он извлек из ее текста положения, которые можно было использовать в интересах России в дальнейших переговорах:

1. Признание самостоятельности России в ее внутренних делах.
2. Отказ от эксплуатации России. По его мнению, это заявление могло стать полезным при рассмотрении вопросов о Баку, Туркестане, Криворожских копях... «главным образом против алчности англичан».

3. Фразу декларации о безусловном признании русской революции и отказе в поддержке контрреволюции Гирс находил возможным использовать как орудие против возможных попыток в будущем держать русский народ на низком уровне культуры в целях эксплуатации страны. «Здесь заключено желание видеть Россию сильной. Нам дается направление, в котором мы, работая над собой в области своего внутреннего строительства, можем с вероятностью рассчитывать на симпатии со стороны западноевропейского общественного мнения»¹⁶. Показательно, что государственный служащий в этом случае рассчитывал не на политическую волю государств – он собирался апеллировать к общественному мнению.

4. Положение о том, что Европа и мир в целом не могут пользоваться покоем, пока Россия им не пользуется, он интерпретировал как признание всеобщего значения большевизма и необходимости для держав ответить ему «в мировой плоскости». Кроме того, он считал, что фразу эту можно использовать в переговорах как «принципиальное и общее заявление держав о необходимости покончить с анархией и ее главным источником – большевизмом, независимо от успеха данного или любого другого предложения».

5. Заявление о том, что конференция рассматривает русский народ как друга, признает своим долгом помочь России со всей заботливостью и ответственностью, которую они предоставляют другим друзьям и союзникам, по мнению Гирса, прямо указывало на признание России (в отличие от РСФСР) союзницей – то, чего с конца 1917 года добивались, на чем настаивали русские дипломаты. Тем самым, считал посол,

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 4.

страны сами признали право России участвовать в конференции и предъявлять претензии Германии и Центральным державам.

6. Наконец, в приглашении на Принцевы острова представителей возникших на территории России правительств, он увидел косвенное определение будущих границ России, куда, однако, уже не были включены Польша и Финляндия¹⁷. Эта констатация была особенно важна в момент, когда те правительства, которые были созданы на территории Российской империи, и с которыми дипломаты призывали союзников сотрудничать, признавая их фактическое существование, отказались считаться с решением русских властей о создании единого представительства России на мирной конференции и посылали в Париж собственные делегации с программой отделения и постановкой вопроса о независимости своих стран.

Таким образом, М.Н. Гирс, сосредоточился на проработке того, что в дальнейшем можно было использовать в переговорах, опираясь на торжественные заявления самих союзников. Его записки показывают, что он не заблуждался насчет целей и стремлений союзников относительно России, но пока не видел другого: их готовности уклоняться от тех торжественных заявлений, которые были сделаны.

Несмотря на то, что Набоков получил в Совещании некоторую поддержку, его предложение не прошло. Возобладало мнение о необходимости не доводить дело до разрыва с ведущими державами мира, выждать, прояснить ситуацию. Недавно прибывший в Париж министр иностранных дел правительств Колчака и Деникина С.Д. Сазонов был, по-видимому, обескуражен. Получалось, что он упустил обсуждение, рассмотрение и принятие столь значимого для представляемых им правительств решения. В тот день, 23 января, он отправил в Россию две телеграммы. В первой, изложив суть предложения держав, он попытался оправдаться, указав, что в связи с непризнанием союзниками антибольшевистских правительств, участия в заседаниях мирной конференции он не принимает, и выразил намерение заявить, что ни омское, ни екатеринодарское правительства в переговорах, в которых планировалось участие большевиков, участия не примут¹⁸. Во второй, отправленной уже после окончания заседания РПС, он от имени Совещания просил подождать с «гласным и бесповоротным ответом на радио конференции». Вероятно, уже на Совещании или в его кулуарах всплыли какие-то дополнительные сведения, не нашедшие отражения в протоколе.

Несколькими днями позже в доверительном письме Нератову, он писал: «Благодаря допущенной со стороны англичан нескромности, перед самым открытием конференции (т.е. до 18 января – *Е.М.*) стало из-

¹⁷ Там же. Л. 4-5.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

вестно, что Ллойд Джордж торжественно выскажется за вступление в переговоры с большевиками и даже склонен пригласить их представителей в Париж для объяснений в специальной комиссии»¹⁹. Однако в момент отправки первой телеграммы 23 января он явно об этом не знал. Тогда кто знал? И почему заявление держав оказалось неожиданным для РПС, для дипломатов в Париже? Свет на эту ситуацию проливает Т.И. Полнер в труде, посвященном жизненному пути кн. Г.Е. Львова. Оказывается именно председателю Русского Сопровождающего Ллойд Джордж и Бонард Лоу еще 16 января в деталях сообщили о плане созыва конференции. Как пишет Полнер, князь предлагал обратиться с этой идеей к РПС, но его собеседники хотели выслушать его мнение²⁰. Непонятно, почему, с какой целью, председатель Русского политического совещания, получив такую информацию, скрыл ее от своих коллег, от министра иностранных дел, не дав возможности предпринять превентивные меры.

Вторая телеграмма в Омск, отправленная в тот же день, показывает, что Сазонов уже успокоился. Тщательно избегая местоимений во избежание указаний на то, кто далее будет действовать, он предложил правительству прислать в Париж свой ответ, предоставив право использовать его в нужный момент²¹.

На Омское правительство обращение союзников произвело очень тяжелое впечатление. Оно усмотрело в нем два положения, представлявших «смертельную опасность» для борьбы с большевизмом. Сама постановка вопроса о возможности переговоров с большевиками должна была, по его мнению, иметь деморализующее действие, а перемирие могло повлечь за собой «угрозу возвращения к большевизму всей освобожденной от него территории». С другой стороны, нельзя было допустить и того, чтобы в общество просочились сведения о конфликте с союзниками. В окружении Колчака, как и в РПС, возникли разные мнения по поводу возможной реакции на проект конференции. Так, работавший в это время в омском МИД чрезвычайный посланник в Сиаме И.Г. Лорис-Меликов, составил собственный ответ. Документ до сих пор не обнаружен. Судить о его содержании можно лишь по той критике, которой подверг его управляющий министерством И.И. Сукин. Последний посчитал неудобным указывать на «будто бы нанесенное нам «грубое оскорбление»; предложение же отметить, что Белое движение представляет из себя «подлинную русскую демократию» показалось ему ненужным заискиванием перед общественным мнением Европы. Его недовольство также вызвало содержавшееся в проекте Лорис-

¹⁹ LRA, MS 780/10

²⁰ Полнер. С. 404-406.

²¹ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 16.

Меликова пожелание о международном признании Омской власти, от чего, стараясь сохранить достоинство, правительство в этот период последовательно воздерживалось²². Впрочем, эта переписка интересна нам, скорее, как показатель положения в омском МИД: реального политического значения она не имела – до ее начала Колчак сформулировал свое отношение к ситуации, ответ в Париж уже ушел. В сложной обстановке правительство проявило выдержку и продемонстрировало полное доверие своим представителям во Франции: Париж «нас понимает с полуслова», – писал в это время Сукин²³. Конечно, Колчак считал наилучшим выходом полный отказ от участия в такой конференции без всяких оговорок. Однако, приняв во внимание серьезную опасность ситуации, Верховный правитель согласился воздержаться от каких-либо резких заявлений. Он предоставил Сазонову возможность вести переговоры с союзниками так, как того требовала обстановка в Париже. Сходную позицию занял и А.И. Деникин.

Получив от правительств карт-бланш, Сазонов в Париже начал кампанию по дискредитации и сведению на нет идеи Принкипо. Русские деятели, в т.ч. сам министр, «громко и единодушно заявили в печати о горестных чувствах, вызываемых в них резолюцией конференции». Послы при союзных державах получили предписание сообщить правительствам об отношении антибольшевиков к идее созыва конференции²⁴. В период до 13 февраля в Париже была проведена серия переговоров. Сам Сазонов беседовал с Пуанкарэ²⁵, Пишоном²⁶ и Тардьё (помощник Клемансо на конференции)²⁷. Маклаков тоже встречался с Пишоном²⁸, а Бахметев, по поручению министра, с Лансингом²⁹. Кроме того, были организованы беседы с Мишель Котэ (другом Тардьё), с Бертелло и Сержаном³⁰; с англичанином Говардом³¹. На этих встречах дипломаты самым определенным образом говорили об оскорбительности подобного предложения для достоинства представителей России, о крайней опасности, не только для интересов России, вступления на путь переговоров с большевиками, которые «не преминут использовать эту попытку Держав для признания себя законной властью»³².

²² ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 265. Л. 28.

²³ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 28.

²⁴ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 23.

²⁶ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

²⁷ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 28.

²⁸ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

²⁹ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 36.

³⁰ Там же. Л. 31.

³¹ Там же. Л. 2.

³² ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

В результате собеседований русские дипломаты не смогли прийти к какому-то определенному выводу о причинах, толкнувших мировых лидеров на продвижение идеи Принкипо. В письме Нератову Сазонов писал, что она родилась как следствие осознания трудностей разрешить русский вопрос путем интервенции, но допускал и то, что она явилась результатом «непонимания президентом Вильсоном положения вещей в России». «Особенные свойства его [Вильсона] психологии» давали повод министру рассматривать получившую распространение в русских кругах (возможно, подброшенную иностранцами) аналогию с событиями мировой войны: тогда предложение президента о посредничестве между Германией и Антантой стало прологом к вступлению США в боевые действия. Министру хотелось верить, что подтвержденная провалом конференции невозможность прекращения гражданской войны мирными средствами, создаст для Вильсона моральную обстановку, «при которой можно ожидать со стороны Америки решительных шагов к восстановлению порядка в России»³³. У него сложилось убеждение, что французский истеблишмент уступает англичанам и американцам в вопросе о Принкипо только из-за договоренностей с ними по другим вопросам; более того, он пришел к справедливому выводу, что не весь английский кабинет поддерживает идею конференции. В письмах, датированных концом января, он отмечал, что печать союзников, за исключением левой, не поддерживала идею переговоров с большевиками³⁴.

Уже к 30 января у русских представителей в Париже появились основания полагать, что проект конференции провалится³⁵. В дальнейшем эта уверенность крепла. Союзники так и не направили приглашение большевикам. Советское правительство, узнав о планах держав из радиоперехвата, содержавшего обзор западной печати, сочло, тем не менее, нужным ответить³⁶. Оно предприняло попытку исключить из круга договаривающихся сторон антибольшевистские силы России, заявив о готовности вести переговоры с теми, кто питал это движение, т.е. с державами Согласия. Им советское правительство предложило широкую программу уступок: рассмотрение вопроса о русских займах, от выплаты которых оно ранее категорически отказалось; создание концессий на территории страны, гарантии уплаты сырьем процентов по своим заграничным займам; даже обсуждение территориальных вопросов. Степень своей сговорчивости оно поставило в зависимость от того состояния, в которое придет на момент соглашения страна, где, по уверениям, содержавшимся в документе, крепла власть большевиков³⁷.

³³ LRA, MS 780/10

³⁴ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2, 11.

³⁵ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2; Д. 115 Л. 8; Д. 617. Л. 52; 6. д. 33. Л. 193.

³⁶ ДВП. Т. 2. 1958. С. 42-45.

³⁷ Там же. С. 57-60.

Ни слова об остановке успешно развивавшегося наступления Красной армии, о перемирии этот документ не содержал.

Реакция Москвы, прямо указывавшая на державы Согласия как на инициаторов гражданской войны в России, откровенная попытка их купить названными преференциями носили настолько неприкрытый характер, что сделали их обсуждение совершенно невозможным. Вильсон назвал ответ Чичерина «умышленно оскорбительным»³⁸, французы расценили как «неприемлемый и неискренний»³⁹. Тем не менее, опубликование этого документа 8 февраля в Париже спровоцировало новое обсуждение проблемы Принкипо в РПС. Дискуссия не касалась существа вопроса: здесь все было ясно, и двух точек зрения быть не могло. Могло показаться, что споры велись по поводу тактики, но, по сути, решался спор о руководстве внешней политикой Белого движения. Работа по дискредитации идеи конференции на Принцевых островах укрепила непростое положение Сазонова в русском Париже. Его назначение министром не обрадовало создателей РПС. Его законные претензии на руководство всей внешней политикой антибольшевистской России и Делегацией на мирной конференции вызвали сопротивление. Опасаясь спровоцировать раскол в Совещании, он согласился принять участие в Делегации в качестве рядового члена. Теперь он постепенно возвращал себе полномочия министра, все более забирая дело в свои руки.

Только что приехавший в Париж председатель временного правительства Северной области Н.В. Чайковский поднял на Совещании вопрос о необходимости дать ответ на инициативу конференции от имени РПС, как его дали большевики, он заявил, что нельзя отмалчиваться, что «облекаться в обиженную гордость – плохая политика». Сазонову пришлось указать на то, что к Совещанию, собственно, никто не обращался и никаких ответов от него не ждет. Отвечать же «как большевики, и ставить себя на одну доску с большевиками» он считал неуместным. Однако Совещание с ним не соглашалось. После сложного и длительного обсуждения министр предложил компромисс. Не меняя своей точки зрения, он готов был пойти навстречу РПС и выработать текст с тем, чтобы в *«законченном виде»* сообщить совещанию *для сведения* (курсив мой – Е.М.)⁴⁰. Выработанный им документ 14 февраля был передан Союзникам. С удовлетворением констатировав, что Конференция считает восстановление порядка в России необходимым условием прочного мира, в декларации была выражена уверенность, что будет сделано все, чтобы «вернуть России, вместе с порядком внутри страны, ее место в союзе наций». Союзным державам были предложены услуги «объеди-

³⁸ Дэвис, Трани.2002. С. 312.

³⁹ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 262. Л. 9.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 6094 . Оп. 1. Д. 223. Л. 36.

ненных правительств» (Омского, Екатеринодарского и Архангельского – *Е.М.*) в ознакомлении с положением в России и сотрудничестве в изыскании средств помощи. В заключение еще раз подчеркивалось, что никакой обмен мнениями при участии большевиков невозможен⁴¹.

К 12 февраля были получены ответы на предложение держав, в основном негативные. Стало понятно, как справедливо отметили в своей монографии Д. Дэвис и Ю. Трани, что «нельзя в приказном порядке собрать воюющие стороны в одном месте... Никто не вправе был заставить их присутствовать на конференции»⁴². На заседании Совета десяти в отсутствие покинувших Париж главных приверженцев идеи Принкипо – Вильсона и Ллойдж Джорджа – обсуждение быстро свернуло в сторону отказа от нее, однако сделанное министром иностранных дел Франции Ст. Пишоном М.Н. Гирсу двумя днями позже сообщение, что «вопрос о Принкипо окончательно похоронен»⁴³, было преждевременным. «Мертвец» оказался настойчив в своем стремлении к жизни: во второй половине февраля в Европе продолжали циркулировать слухи о готовности США⁴⁴ и Великобритании⁴⁵ реанимировать вопрос о конференции, и лишь 9 марта в Омске французский представитель сообщил об окончательном решении оставить этот проект⁴⁶.

Русские дипломаты постарались осмыслить произошедшее и сделать выводы на будущее. В процессе обсуждения проекта конференции на Принкипо стало очевидно, что военную поддержку антибольшевистским силам союзники оказывать не станут, как и прямой открытой поддержки «национальным» правительствам. Тому были причины, объективность которых русские дипломаты признавали. Понимали они и то, что отказ от Принкипо не означает изменения условий, в которых державам предстояло вести поиск решения русской проблемы. Поэтому Б.А. Бахметев в специальной записке, пришел к выводу, что поиск этот будет происходить в той же плоскости, и опасался, что союзниками и впредь «будут формулироваться предложения столь же нецелесообразные и неприемлемые для русского национального движения». Стремясь избежать обострения отношений при повторяющихся отказах, он предлагал перехватить инициативу и заранее определить основные пункты, по поводу которых надо было договариваться с союзниками, и создать платформу для совместных действий: «Исходной точкой нашей постановки вопроса должно явиться подтверждение солидарности видов и намерений национального движения с целями союзников. Мы одина-

⁴¹ Внешняя политика 1929. С. 75-76.

⁴² Дэвис, Трани. 2002. С. 312.

⁴³ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 40.

⁴⁴ ГАРФ. 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 54.

⁴⁵ Там же. Л. 68.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3540. Л. 38 об.

ково стремимся к окончанию гражданской войны, и никто более нас не хочет замирения и успокоения России. Вместе с союзниками мы видим замирение России в осуществлении народного суверенитета. Гражданская война обуславливается большевистским режимом, нарушившим органическое перестроение России на новых началах. Большевистскому режиму для успокоения страны должен быть положен конец»⁴⁷.

Практическую задачу на ближайшее время посол видел в том, чтобы добиться от союзников решительного и бесповоротного осуждения режима «террора, произвола и классовой диктатуры» и категорического заявления о том, что советское правительство не будет признано ни при каких обстоятельствах. Трезво оценивая положение дел, дипломат понимал, что в политике вообще, а в данной ситуации возможно особенно, нельзя ограничиваться негативной стороной вопроса. Он признавал, что в сложившихся обстоятельствах союзные правительства не могут открыто делать ставку на какие-либо группы или правительства, вместо этого он предлагал противопоставить большевикам принятые в Западном мире «разумные принципы демократии» (например, свободные выборы в Учредительное собрание), против которых выступали большевики, и допуск которых советской властью привел бы к неминуемому краху режима. Политик считал, что объединенным правительствам не сложно будет доказать свою приверженность такой программе⁴⁸.

Добились ли дипломаты своей цели? Внешне – да. Однако с точки зрения собственно международных отношений то была Пиррова победа.

Позволю себе не согласиться с прочно держащимся в историографии суждением, что план Принкипо был задуман исключительно против Советской власти в России⁴⁹. В таком случае непонятно, почему этот шанс не был использован? Более того, не были выполнены необходимые условия для его осуществления – ведь приглашение в Москву так и не было послано. А когда большевики все-таки ответили, ничего не было сделано для их дискредитации. Возможно, все встанет на свои места, если взглянуть на этот проект с другого ракурса.

Если план проведения конференции на Принцевых островах рассматривать в контексте борьбы русской дипломатии за участие в мирной конференции, то следует признать, что это была замечательно задуманная и проведенная комбинация союзников, которая позволила, не давая отказа, не порывая в условиях неясного итога гражданской войны с политическим лагерем, олицетворявшим историческую Россию, навсегда похоронить ее претензии на равноправное участие в решении судеб послевоенного мира.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 297. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 1-5.

⁴⁹ Штейн 1947, Листиков 2009(б). С. 21.

Французский дипломат Тардьё еще в начале февраля весьма точно спрогнозировал ход событий. В беседе с Сазоновым он выразил уверенность, что «когда вопрос Принкипо будет похоронен, у конференции не будет другого выхода, как признать какое-либо из русских правительств и «допустить его представителей на конференцию для выслушивания их точки зрения по поводу русских дел». А когда Сазонов выразил сомнение в том, будет ли «достойно великой державы – России – являться на конференцию в роли маленькой страны, докладывающей о своих делах для разрешения их другими», он жестко расставил точки над «и», разъяснив, что данный выход будет единственным и он советует им воспользоваться⁵⁰. Реальность оказалась еще жестче. Когда вопрос о конференции на Принцевых островах был снят с повестки дня, проблема официального участия России в мирной конференции уже никем всерьез не рассматривалась. Перед русскими политиками встали задачи совсем иного порядка, прежде всего – борьба за сохранение территории страны в довоенных границах. Ни одно из Белых правительств пока шла конференция, так и не было признано, а русской делегации пришлось довольствоваться выступлениями в некоторых комиссиях, которые рассматривали вопросы, связанные с судьбой территорий, входивших в состав Российской империи, и проявили готовность выслушать русскую точку зрения.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 3540.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 16.
ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58, 59, 119, 262, 265, 442, 607.
ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 9.
ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 223.
Leeds Russian Archive (LRA). MS 780/10.

БИБЛИОГРАФИЯ

Берги. Ф. За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже (1914–1919). М.: Государственная публичная библиотека, 2014.
Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. (из документов Парижского посольства // Красный архив 1929 № 6 (37). С. 69-101.
Документы внешней политики СССР. (ДВП) Т. 2. М., 1958.
Ллойд Джордж. Правда о мирных переговорах. Т. 1. М., 1957.
Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945.
Тардьё А. Мир. Госполитиздат, 1943.
Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.: Наука, 1982.
Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989.
Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. М., Олма-Пресс, 2002.
Листиков С.В. Президент В. Вильсон, русские меньшевистские силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник 2007. М.: ИВИ РАН, 2009а. С. 260-286.
Листиков С.В. Мир без России: Представительство Белого Движения на Парижской мирной конференции // Вестник МГИМО университета 2009(6) № 1. (4) С. 13-26.

⁵⁰ ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 28.

- Лившиц С.Г. К истории переговоров о созыве конференции на Принцевых островах // Барнаульский педагогический институт. Ученые записки. Т.19. 1972. С. 34-68.
- Полнер Т.Е. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001.
- Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926.
- Смолин А.В. У закрытых дверей версальского дворца. СПб.: Наука, 2017.
- Шшишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969.
- Шмелев А.В. Внешняя политика правительства Колчака (1918–1919 гг.) СПб.: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
- Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920). М., 1949.
- Штейн Б. Дипломатия Антанты и проект конференции на Принцевых островах // Вопросы истории. 1947. № 3. С. 25-52.

REFERENCES

- Berti. F. Za kulisami Antanty: Dnevnik britanskogo posla v Parizhe (1914–1919). М.: Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka, 2014.
- Vneshnyaya politika kontrevolyucionnyh «pravitel'stv» v nachale 1919 g. (iz dokumentov Parizhskogo posol'stva // Krasnyj arhiv 1929 № 6 (37). S. 69-101.
- Dokumenty vneshnej politiki SSSR. (DVP) T. 2. М., 1958.
- Lloyd Dzhordzh. Pravda o mirnyh peregovorah. T. 1. М., 1957.
- Nikol'son G. Kak delasya mir v 1919 g. М., OGIz Gospolitizdat, 1945.
- Tard'e A. Mir. Gospolitizdat, 1943.
- Dumova N.G. Kadetskaya kontrevolyuciya i ee razгром. М.: Nauka, 1982.
- Dumova N.G., Truhanovskij V.G. Cherrhill i Milyukov protiv Sovetskoj Rossii. М.: Nauka, 1989.
- Devis D., Trani Yu. Pervaya holodnaya vojna. М., Olma-Press, 2002.
- Listikov S.V. Prezident V. Vil'son, russkie nebol'shevistskie sily i konferenciya na Princevyh ostrovah // Amerikanskij ezhegodnik 2007. М. IVI RAN 2009(a). S. 260-286.
- Listikov S.V. Mir bez Rossii: Predstavitel'stvo Belogo Dvizheniya na Parizhskoy mirnoy konferentsii// Vestnik MGIMO universiteta 2009 № 1. (4) S. 13-26.М., 2009(b).
- Livshic S.G. K istorii peregovorov o sozyve konferencii na Princevyh ostrovah // Barnaul'skij pedagogicheskij institut. Uchenye zapiski. T.19. Baraul 1972. S. 34-68.
- Polner T.E. Zhiznennyj put' knyazyza Georgiya Evgen'evicha L'vova. М., 2001.
- Subbotovskij I. Soyuzniki, russkie reakcionery i intervenciya. Л., 1926.
- Smolin A.V. U zakrytyh dverej versal'skogo dvorcva. SPb.: Nauka, 2017.
- Shishkin V.A. Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg. Л., 1969.
- Shmelev A.V. Vneshnyaya politika pravitel'stva Kolchaka (1918–1919 gg.) SPb.: Izdatel'stvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017.
- Shtejn B.E. «Russkij vopros» na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920). М., 1949.
- Shtejn B. Diplomatiya Antanty i proekt konferencii na Princevyh ostrovah // Voprosy istorii 1947. № 3. S. 25-52.

Миронова Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН: alena.stankina@mail.ru

Russian anti-Bolshevik diplomacy and the problem of the conference on the Princes' Islands

This article gives us a new way of looking at the debated historiography question about the conference on the Princes' Islands. This project is discussed in the context of Russian anti-Bolshevik diplomacy fight for the right to take part in the Versailles Peace conference. The article deals with rediscovered analytical notes of Russian diplomats, which were prepared during the conference and based on the outcomes of the discussion.

Keywords: conference on the Princes' Islands, Russian foreign diplomatic corps, RPC, allies, Sazonov, Girs, Bahmetev

Elena Mironova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: alena.stankina@mail.ru